

УДК 233, 261.5, 572, 37.013.44, 37.017.92

Методологические основания православной педагогики

А. А. Остапенко^{1,2,3}, священник Константин Зелинский⁴

¹ Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

² Екатеринодарская духовная семинария,
Российская Федерация, 350000, Краснодар, ул. Фрунзе, 67

³ Московская духовная академия,
Российская Федерация, 141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра

⁴ Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Российская Федерация, 400005, Волгоград, пр. имени В. И. Ленина, 27

Для цитирования: Остапенко А. А., Зелинский К. В. Методологические основания православной педагогики // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 4. С. 673–692.
<https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.408>

В статье на общих методологических основаниях, характерных для педагогической науки в целом, выстроена методологическая структура православной педагогики и показана ее уникальность. Авторы предлагают семикомпонентную модель системы методологических оснований педагогической науки, что позволяет выявлять главные начала педагогики, базирующиеся на том или ином мировоззренческом фундаменте. Так, в работе на основе православного мировоззрения сформулированы педагогическая стратегия и педагогическая тактика православного образования и определены его содержание и средства. Даны ясные дефиниции понятий «обучение», «воспитание» и «образование» с точки зрения православного вероучения, а также определены тип педагогического уклада, профессионально-антропологический идеал педагога для православной педагогики. Особенность статьи состоит в том, что методологические основания православной педагогики как науки даны в сравнении с советской материалистической и атеистической педагогикой. Идеи статьи проиллюстрированы цитатами из трудов Святых Отцов, а также дореволюционных и постсоветских педагогов. Статья адресована ученым-педагогам,

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022
© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2022

преподавателям педагогических дисциплин духовных школ, магистрантам и аспирантам, ведущих исследования на стыке теологии и педагогики.

Ключевые слова: православная педагогика, христианская антропология, антропологическая данность, антропологический идеал, педагогическая стратегия, педагогическая тактика, покаяние, образ желанного будущего, содержание православного воспитания.

Введение

Авторам статьи, преподающим и в светских вузах, и в духовных школах, неоднократно приходилось отвечать на вопрос о том, какую дисциплину мы там преподаем. Узнав, что это православная педагогика, нам задавали вопросы «А что, такая педагогика существует?», «Чем она отличается от обычной педагогики?» и т. п. Многие вузовские преподаватели педагогики (особенно советской закалки) даже не предполагают, что педагогики бывают разными. Сразу приводятся доводы о том, что, дескать, не может же быть православной физики или математики. С физикой и математикой надо подумать, а вот педагогики точно бывают разными¹, — они как минимум ставят разные педагогические цели. Нелепо уравнивать христианский и советский идеалы человека, к которым и должна устремлять педагогика.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, опираясь на общие методологические основания, характерные для педагогической науки в целом, выстроить методологическую структуру православной педагогики и показать ее уникальность. Для удобства по ходу размышлений мы будем сравнивать методологические начала православной педагогики с педагогикой советской, которая по сей день доминирует в вузовском преподавании.

1. Архитектоника методологических оснований педагогической науки

Структура методологической аксиоматики любой педагогики предполагает ответы на ряд взаимосвязанных вопросов, выстраивающих всю архитектуру педагогической науки. Таких основных вопросов, на наш взгляд, семь.

Ответ на *первый вопрос* — «Какова изначальная природа человека?» (Каков человек от рождения? Каким он нам дан сегодня?) — позволяет аксиоматично сформулировать *первое методологическое основание*, которое разумно назвать *антропологической данностью*. Если учитель или родитель верит, что новорожденный представляет собой изначально «чистую незаполненную восковую дощечку для письма» (*tabula rasa*, бесформенный кусок глины) или, как сказали бы сегодня, «незагруженный компьютер с большим объемом памяти и быстрым процессором», то этого ребенка

¹ Остапенко А. А. Почему педагогики бывают разными // Педагогические технологии. 2018. № 2. С. 38–57.

будут лепить, формировать, загружать, программировать и активировать. Если педагог верит в то, что ему достался дикий и необузданный звереныш, он будет подвергать его дрессуре методом кнута и пряника. Одним словом, в зависимости от того, какая антропология положена в основу педагогики, педагог по-разному будет отвечать на *второй вопрос* — «Как человека учить и воспитывать?». Ответ на него и будет составлять *второе методологическое основание* педагогики — **педагогическую тактику**.

Совершенно очевидно, что, кроме тактики, любая педагогика должна обладать стратегией. Педагогика должна отвечать не только на вопрос «Как воспитывать?», но и на вопрос «Кого воспитать?». А определить эту стратегию можно только после того, как мы ответим на *третий вопрос* о желанном будущем — «В каком будущем мы хотим жить?». По большому счету, это вопрос о национальной идее. «Родина — это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений»². **Образ будущего Отечества** — это *третье методологическое основание* педагогики.

Если образ желанного будущего ясен и сформулирован, то ответ на *четвертый вопрос* — «Кого мы должны воспитать?» — не вызывает трудностей. Этот ответ определяет **антропологический идеал** человека, который своей деятельностью сможет приближать образ желанного будущего, и составляет *четвертое методологическое основание* педагогики.

Педагогическая тактика («Как воспитывать?») и *педагогическая стратегия* («Кого воспитать?») позволяют формулировать **педагогическую цель** («Кого и как воспитать?») для разных педагогических аксиоматик.

Образ желанного будущего как *третье методологическое основание* позволяет ответить на вопрос «Каким в норме должен быть тип общественных отношений?», что дает возможность определить **тип общественного уклада** как *пятое методологическое основание*.

Зная ответы на все сформулированные выше вопросы, легко ответить на вопрос «Чему учить и что воспитывать?», позволяющий сформулировать **содержание** образования человека как *шестое методологическое основание*. А ответ на вопрос «Кто будет воспитывать?» определяет **профессионально-антропологический идеал** педагога как *седьмое методологическое основание*.

Все семь перечисленных факторов определяют полный состав методологических оснований педагогической науки, архитектуру которых мы ранее представили в виде логической блок-схемы (см. рис.).

Дальнейшие рассуждения будут представлены таким образом, чтобы мы могли получить ответы на поставленные вопросы с точки зрения православного мировоззрения в целом и православной антропологии в частности. Это позволит выстроить ясную методологическую основу православной педагогики как науки.

² Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1961. С. 506.

Рис. Архитектоника системы методологических оснований педагогической науки
 Источник: Слободчиков В. И., Остапенко А. А. Глобальные практики человекообразования: мировоззренческий формат, методологические основания, типы общественных укладов // Народное образование. 2020. № 6. С. 56.

2. Тактика, стратегия и цель православной педагогики

Православное мировоззрение, основанное на методологии антиномизма, которая лежит в фундаменте большинства христианских догматов (от догмата о Святой Троице и догмата о двуединой природе Христа до учения о божественных энергиях), предполагает, что ряд поставленных вопросов будут иметь неслиянно-нераздельные антиномичные ответы, обеспечивающие догматическую полноту. Это обусловлено тем, что христианская антропология (следовательно, и православная педагогика) утверждает двуединство временного и вечного назначения человека. В учебной книге по воспитанию (первой в истории русской педагогики) архиепископ Евсевий (Орлинский) писал, что воспитывать — «значит выводить воспитанника из состояния повреждения и доводить его до

Таблица 1. Антиномизм методологических оснований православной педагогики

Назначение человека	Антиномия	
	временное	вечное
Образ желанного будущего	здешний (земной)	нездешний (неземной)
Антропологический идеал	достижимый	недостижимый
Образовательная цель	предельная	запредельная

того, чтобы он сам собою мог достигать своего истинного назначения, *временного и вечного* (курсив наш. — А. О., К. З.)»³. Таким образом, двуединое временное и вечное назначение человека предполагает двуединые ответы на некоторые заданные выше педагогические вопросы. Вопрос об образе желанного будущего предполагает ответы о *здешнем (земном) и нездешнем (неземном)*. Вопрос об антропологическом идеале предполагает ответы о *достижимом и недостижимом*. Вопрос об образовательной цели предполагает ответы о *предельном и запредельном* (табл. 1).

2.1. Какова изначальная природа человека?

Православная антропология сразу же требует уточнить этот вопрос: какова изначальная природа *сегодняшнего* человека, уже пережившего момент грехопадения?

Православное учение о человеке утверждает, что высшему Божьему созданию, т.е. человеку, изначально дан неуничтожимый образ Божий, а поэтому человек обладает неотъемлемым высоким достоинством. Однако в «Основах учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека», подтверждающих это учение, сказано, что «в зависимости от самоопределения свободной личности образ Божий в человеке может помрачаться»⁴. Сегодня можно констатировать, что образ этот помрачен и человек имеет искаженную и раздробленную (поврежденную) грехом природу, причем искажение коснулось и всей человеческой природы (человек лишился совершенства и бесстрастия), и его отношений с окружающим миром. Даже «животные утратили повинование и любовь к человеку, утратившему повинование и любовь к Богу»⁵. Человек поврежден грехом от рождения, и поврежденность эта у разных людей различна, ибо, кроме общей поврежденности первородным грехом, человек несет свою индивидуальную (можно сказать, потомственную) поврежденность родовым грехом. Святитель Григорий Нисский писал: «От человека рож-

³ Евсевий (Орлинский), архиеп. О воспитании детей в духе христианского благочестия. 4-е изд. СПб.: Типография департамента уделов, 1877. С. 15.

⁴ Основы социальной концепции Русской православной церкви. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М.: Изд-во Московской патриархии, 2018. С. 141.

⁵ Игнатий (Брянчанинов), свт. Слово о смерти. Слово о человеке. М.: Благовест, 2011. С. 153.

дается человек, от страстного страстный, от грешника грешный»⁶. Родовая поврежденность у каждого своя: один — талантливый лентяй, другой — трудолюбивый тугодум, а третий — и лентяй, и тугодум. Поэтому «нельзя со всеми подвластными обращаться одинаковым образом, так же как врачам нельзя лечить всех больных одним способом и кормчему — знать одно только средство для борьбы с ветрами»⁷.

Следовательно, согласно *первому методологическому основанию* православной педагогики, антропологическая данность такова, что в современном состоянии у человека помрачен образ Божий, искажена природа и нарушены отношения с миром.

2.2. Как воспитывать человека?

Помраченный образ Божий, поврежденная природа человека требуют, с одной стороны, божественного вмешательства, а с другой — педагогической тактики, способствующей, во-первых, преодолению помраченности, во-вторых, восстановлению целостности. Воспитание — это «намеренное влияние на образование и облагораживание воспитанника, посредством которого надобно доводить его до такого нравственного состояния, в котором он мог бы без постороннего руководства располагать собою согласно своему временному и вечному назначению»⁸. Каково же педагогическое средство этого облагораживания?

Еще в 1995 г. священник Евгений Шестун (ныне архимандрит Георгий), единственный в нашей стране доктор педагогических наук в священном сане, разрабатывая научные основы православной педагогики, рассматривал «обучение как частный случай покаяния, когда человек осознает свое несовершенство, свое незнание и не только осознает, но и стремится к преображению себя»⁹. Французский православный богослов Ж.-К. Ларше пишет, что стремление к возвращению утраченного совершенства происходит через добродетели, так как «добродетели уже присутствуют в зачаточном состоянии в самой природе человека, и каждый человек имеет задачу взрастить их в себе»¹⁰.

Вопрос о покаянии не принадлежит к числу легких. Для обыденного житейского сознания покаяние связано лишь с непосредственным исповеданием грехов. Если человек на собственном опыте понял, «что такое

⁶ Григорий Нисский, *свт.* Творения. Ч. 2. СПб.: Типография В. Готье, 1861. С. 446.

⁷ Иоанн Златоуст, *свт.* Творения. Т. 1, кн. 2. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1895. С. 463.

⁸ Евсевий (Орлинский), *архиеп.* О воспитании детей в духе христианского благочестия. 4-е изд. С. 13.

⁹ Шестун Евгений, *свящ.* Введение в православную педагогику // Духовный собеседник. Журнал Самарской епархии. 1995. № 2. С. 52.

¹⁰ Ларше Ж.-К. Духовное бессознательное. Православная концепция бессознательного и ее применение в лечении психических и духовных недугов. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2021. С. 21.

хорошо, а что такое плохо», то, обнаруживая в себе нечто недостойное, идет на исповедь, чтобы получить прощение и очищение.

Однако греческое слово *μετάνοια* (от греч. *μετά* — после и *νόος, νοῦς* — мысль, мышление, образ мыслей, восприятие, понимание), соответствующее русскому «покаяние», означает нечто большее, а именно «перемена мыслей»¹¹. Осознав свой несправедливый путь как путь искаженный, путь гибели, человек отрешается от него и пытается не только найти иную дорогу, но и идти по ней, отвергаясь всего, что может препятствовать этому движению. Однако что́ нужно для перемены мыслей, для изменения сознания? Ведь сознание не может измениться само собой. Человеку легче делать то, к чему он уже привык, действовать там, где у него уже есть опыт. Для того чтобы покаяние как изменение сознания произошло, нужна встреча человека с неким иным идеалом (идеей, человеком, явлением, мыслью и т. д.), встреча как открытие. Если нет встречи, то нет и возможности сущностно измениться.

Вместе с тем встречи недостаточно для покаяния. Встреча, будучи открытием, должна быть сохранена, расширена и углублена. Однако есть то, что мешает двигаться к этому открытию, его расширению и углублению. Мешают грехи (страхи, привычки, привязанности, недолжные поступки), закрытость истины (незнание, логические ошибки, ограниченный взгляд, нечуткость и т. д.), разделенная на части природа человека (дух направлен в одну сторону, душа — в другую, а плоть требует третьего). И тогда то, что мешает, должно быть низвергнуто, то, что еще закрыто или не открыто явно, должно быть прояснено и проявлено, а разделенность должна обрести единение и целостность. В таком случае покаяние есть труд по обретению знания истины, отказ от ненужного, восхождение к единству, к целостности.

Покаяние всегда соотносено с истиной (неважно какой — частичной или всецелой). Эта соотношенность имеет три уровня: 1) интеллектуальный уровень (познание истины); 2) уровень принятия, или содружества (бытие с истиной); 3) уровень погруженности, цельности или со-бытия (бытия в истине). Если нет истины, то не может быть и движения к ней. Тогда ни о какой перемене сознания и жизни, ни о каком покаянии уже не может быть и речи. Если же есть путь и движение к истине, а значит, познание истины, жажды быть с ней и желания быть в ней, то все остальное, все мешающее этому движению — это *αμαρτία* (греч. промах, грех, иная дорога). Наличие внутренних и внешних помех препятствует познанию истины. В таком случае востребуются расчистка пути, и обретение знаний, навыков и умений, и восхождение к целостности — покаяние.

Таким образом, подлинное покаяние связано непосредственно с *познанием истины, жаждой быть с истиной и желанием быть в истине* и избавляться от всего того, что мешает этому, т. е. от греха: от невежества, незнания, от страхов, привычек, необузданных желаний; от раздроблен-

¹¹ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб.: Изд. автора, 1899. С. 804.

ности человеческой природы. Тогда можно сформулировать основные понятия:

— *обучение* — это особый вид покаяния, в результате которого человек в поисках истины преодолевает свое незнание, логические ошибки и обретает *знание истины* (ведение совершенства);

— *воспитание* — это особый вид покаяния, в результате которого человек избавляется от своих страхов, привычек, привязанностей, необузданных желаний и восходит к *бытию с истиной* (воля к совершенству);

— *образование* — это особый вид покаяния, в результате которого человек, избавляясь от разделенности, восходит к целостности, которая есть *бытие в истине* (бытие в совершенстве), т. е. сообразует себя с образом Божиим, когда «уже не я живу, а живет во мне Христос» (Гал 2:20), и избавляется от состояния *без-образия* как помраченности Образа Божия, и тогда православную педагогику резонно считать *со-образной педагогией*.

Следовательно, основным средством осуществления *педагогической тактики* православной педагогики можно назвать покаяние, условие которого — встреча с идеалом. Это утверждение составляет *второе методологическое основание* православной педагогики.

2.3. В каком будущем мы хотим жить?

Для нерелигиозного ученого-педагога вопрос о желанном будущем однозначен, ибо ответ на него находится в рамках земного будущего. Для советской педагогики этот ответ был вполне ясен: мы готовим детей к жизни в светлом коммунистическом будущем. Для неверующего либерала ответом может быть образ сытого общества потребления и самореализации. Для православной педагогики поставленный вопрос неизбежно ветвится на два подвопроса о желанном будущем: о ближайшем временном здешнем (земном) и вневременном вечном нездешнем (неземном).

Дореволюционная реальность ясно рисовала образ желанного земного будущего. Какое будущее мы строили? В какой державе мы хотели жить? Ответ был очевиден: строили великую православную империю византийского типа. Была известна ее богословская и политическая идея: Москва — третий Рим. А значит, для земной жизни мы должны были воспитывать созидателей этой православной империи, или православной державы, суть которой в единстве (симфонии) церкви и государства.

Образ желанного вечного будущего — Царство Небесное, которое внутри нас (Лк 17: 20–21), которое есть цель христианской жизни. «Последнее назначение наше есть теснейшее единение с Богом в вечности, а главное назначение земной нашей жизни состоит в том, чтобы более и более приближаться к Богу чрез исполнение Его святейшей воли: Бойся Бога и заповеди Его храни: яко сие всяк человек (Еккл 12:13)»¹².

¹² Евсевий (Орлинский), архиеп. О воспитании детей в духе христианского благочестия. 4-е изд. С. 3.

2.4. Кого мы должны воспитать?

Антропологический идеал православной педагогики сформулирован в словах Спасителя: «Будите убо вы совершени, якоже отец ваш небесный совершен есть» (Мф 5:48). Архиепископ Евсевий (Орлинский) писал, как будто на столетие вперед адресуя свои слова: «Нам не нужны вымышленные идеалы, для нас высочайший образец совершенного человечества есть Богочеловек Иисус Христос. Чем мы бываем подобнее сему Первообразу, чем более Христос вселяется в нас Своею благодатию, тем становимся мы совершеннее»¹³. Именно для этого совершилось Боговоплощение, вочеловечение, выраженное известными формулами святителей Григория Богослова («Дабы и мне быть богом, поколику Он стал человеком»¹⁴) и Афанасия Великого («Оно [Слово] вочеловечилось, чтобы мы обожились»¹⁵). Спустя столетия им вторит митрополит Амфилохий (Радович): «Главный смысл образования и воспитания человека — обожение человека, созданного как переходное существо от человека к богочеловеку, от человечности к богочеловечности»¹⁶.

Иисус Христос, Новый Адам есть конкретный Образ, данный человечеству как образец, как *антропологический идеал совершенства*. Действительно, «совершенство для человеческого существа заключается в обожении, и в самой его природе заложено стать богом по благодати»¹⁷. Однако Бог по благодати — это недостижимый антропологический идеал, а стать богом по благодати — запредельная цель. Любой опытный педагог знает, что при продвижении воспитанника к трудной цели должны быть промежуточные достижимые ступени. У сверхвысокой лестницы должны быть преодолимые ступени восхождения, хотя вершина (ἀκμή), пусть и недостижимая, должна быть ясно обозначена. Она должна быть ориентиром, к которому педагог устремляет воспитанника. Без этого антропологического ориентира (от лат. *oriēns* — восход, восток; у В.И. Даля ориентироваться — «овосточиться»¹⁸) человек не может восходить, он не видит вершину, к которой следует подниматься. «Ex oriente lux!» — когда-то воскликнул В.С. Соловьев, — «С Востока свет, с Востока силы!»¹⁹ Так и мы, подобно волхвам, которые «видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» (Мф 2: 2), идем ко Христу, ибо видим Свет Его. Недости-

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Григорий Богослов, архиеп. Творения. Ч. 3. М.: Типография Августа Семена, 1844. С. 73.

¹⁵ Афанасий Великий, архиеп. Творения. Ч. 1. 2-е изд., испр. и доп. Свято-Троицкая Сергиева лавра: Собственная типография, 1902. С. 260.

¹⁶ Амфилохий (Радович), митр. Человек — носитель вечной жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2005. С. 32.

¹⁷ Ларше Ж.-К. Исцеление духовных болезней. Введение в аскетическую традицию Православной церкви. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2018. С. 13.

¹⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. 3-е изд. / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: Изд. товарищества М. О. Вольф, 1905. С. 1790.

¹⁹ Соловьев В. С. Стихотворения. 6-е изд. М.: Изд. Сергея Соловьева, 1915. С. 97.

жимый идеал понятен: «Высочайший образец совершенного человечества есть Богочеловек Иисус Христос»²⁰.

Однако двигаться к этому недостижимому идеалу через подталкивание, принуждение, воздействие воспитанник точно не будет. Он станет двигаться ко Христу только тогда, когда сам осознаёт, что в этом состоит его предназначение, когда станет человеком, самостоятельно стремящимся к совершенству. И к этому достижимому антропологическому идеалу его может и должен вести педагог (детоводитель). Еще раз приведем цитату из книги архиепископа Евсевия (Орлинского), но выделим в ней другие ключевые слова: «Воспитывать... значит выводить воспитанника из состояния повреждения и доводить его до того, чтобы он *сам собою* мог достигать своего истинного назначения (курсив наш. — А. О., К. З.)»²¹.

Следовательно, образ совершенного Богочеловека Христа — это недостижимый антропологический идеал как ориентир света (*lux orientalis*) и вершины лестницы (ἀκρίβη), а достижимый антропологический идеал — это образ человека, верующего во Христа и стремящегося жить по заповеди любви.

В первом изданном в России учебнике педагогики А. Г. Ободовского, который осуществил довольно вольный пересказ книги²² немецкого богослова и педагога А. Г. Нимейера (1754–1828), педагогически интерпретирован этот образ человеческого (а не богочеловеческого) незавершенного совершенства:

Истинное воспитание имеет предметом своим образование всех способностей человека в совокупности. Оно объемлет не одно только тело, но и душу, не один только ум, но и сердце, не одно только чувство, но и рассудок — оно объемлет целого человека. Если представить себе все разнородные силы человека соединенными в одно согласное целое, то перед нами будет идеал совершенства человеческого. Возможное приближение воспитанника к сему идеалу, через согласное развитие и образование всех его способностей, составляет конечную цель воспитания²³.

Православное богословие смотрит на совершенство иначе.

Во-первых, слова Христа о том, что надо быть совершенным, «якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф 5:48), не обозначают, что должны быть развиты все способности человека. В притче о талантах (Мф 25:14–30) Бог говорит, что каждому человеку дает определенное количество талантов: тот, кто имел пять, может их увеличить до десяти (но совершенство ли это?), а тот, кто получил два таланта и довел их до четырех, никак не смо-

²⁰ *Евсевий (Орлинский), архиеп.* О воспитании детей в духе христианского благочестия. 4-е изд. С. 7.

²¹ Там же. С. 15.

²² *Niemeyer A. G. Leitfaden der Pädagogik und Didaktik. Zum Gebrauch akademischer Vorlesungen für künftige Hauslehrer und Schulmänner.* Galle: Verlag der Waisenhaus-Buchhaltung, 1802.

²³ *Ободовский А. Г.* Руководство к педагогике или науке воспитания, составленное по Нимейеру. СПб.: Типография Вингебера, 1833. С. 6.

жет приблизиться к уровню получившего пять талантов. Отсюда следует, что способности не могут быть развиты до предельного совершенства.

Во-вторых, может ли человек реально достичь совершенства Отца Небесного? Нет. Но заповедь же дана. Может быть, она представлена как недостижимый, вечно отдаляющийся идеал, на который нужно только лишь ориентироваться? Тогда человек неминуемо впадает в отчаяние или отказывается от исполнения заповедей, избегая их. Значит в заповеди совершенства есть нечто другое, есть какая-то тайна.

В-третьих, вспомним беседу юноши со Христом, где Господь говорит молодому человеку: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною» (Мф 19:20).

В-четвертых, из посланий апостола Павла известно, что любовь есть совокупность совершенств (Кол 3:14) и человек должен облечься в любовь, ибо без любви, даже при наличии всех знаний и умений, веры и иных добродетелей, человек — ничто (1 Кор 13:2). Облекаясь в любовь, человек восходит к совершенству и становится Человеком.

В-пятых, Бог есть Любовь, а значит, облакающийся в любовь обретает бытие в Боге.

Педагогическая тактика («Как воспитывать?») и *антропологический идеал* («Кого воспитать?») позволяют сформулировать *цель православной педагогики*: помочь человеку через покаяние укрепиться в вере во Христа и обрести стремление жить по заповеди любви.

Упомянутый выше Евсевий (Орлинский) писал, что цель науки воспитания — «пробудить в дитяти его дремлющие способности, укрепить их упражнением, частью предохранить от повреждения, а частью *поврежденное исправить* и все силы его привести в такое взаимное подчинение, чтобы они все заодно действовали для достижения последнего назначения воспитанника, как *временного*, так и *вечного* (курсив наш. — А. О., К. З.)»²⁴.

В «Правилах для учеников гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения», утвержденных в 1874 г. министром народного просвещения графом Дмитрием Андреевичем Толстым (1823–1889), эта цель сформулирована следующим образом:

Ученики гимназий и прогимназий должны постоянно иметь в виду цель учения вообще и гимназического в особенности, выраженную в словах молитвы пред учением — «возрасти» (умственно и нравственно) «Создателю нашему во славу, родителям же нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу». Проникаясь все более и более духом Христова учения, они должны всеми силами своей души стремиться к совершенствованию своему во всех отношениях, по

²⁴ *Евсевий (Орлинский), архиеп.* О воспитании детей в духе христианского благочестия. М.: Типография Августа Семена при Императорской медико-хирургической академии, 1844. С. 27.

слову Спасителя: «Будите вы совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть (Мф 5: 48)»²⁵.

Здесь мы сделаем первое промежуточное сравнение православной и советской педагогики.

Советская педагогика, основанная на грубом материализме, вслед за Аристотелем и Джоном Локком аксиоматично заявляет, что новорожденный человек изначально чистый лист (*tabula rasa*), на котором нет ничего: ни доброго, ни злого, ни грешного, ни праведного. Человек изначально никакой. «Все человеческое в человеке — т. е. все то, что специфически отличает человека от животного, — представляет собою на 100 % — не на 90 и даже не на 99 % — результат социального развития общества, и любая способность индивида есть индивидуально осуществляемая функция социального»²⁶, — категорично утверждал выдающийся советский педагог и философ-марксист Э. В. Ильенков, создававший неподалеку от Свято-Троицкой Сергиевой лавры в тогдашнем Загорском детском доме для слепоглухонемых детей уникальные методики их развития. Поскольку человек изначально никакой, его следует формировать, т. е. придавать форму бесформенному. Главная тактика советской педагогики — *формирование человека через педагогическое воздействие*.

Православная педагогическая тактика исцеления, восстановления поврежденной грехом природы человека предполагает постепенное снижение (вплоть до его полного исчезновения) внешнего воспитательного воздействия и возрастание внутреннего стремления к совершенству, внутреннего самосовершенствования через исправление воспитуемым самого себя, которое и именуют в православии покаянием. Вспомним слова архиепископа Евсевия (Орлинского) о том, что «воспитание всегда должно стремиться к тому, чтобы оно со дня на день становилось для воспитанников все менее нужным»²⁷. Иными словами, тактика православного воспитания предполагает постепенный переход от внешнего педагогического воздействия на воспитуемого к его внутреннему самодвижению по пути к совершенству, явленному в Образе Христа.

Советская педагогика по инерции, отчасти и ненадолго, сохранила вектор восхождения человека, но восхождение это было менее устремленное и по причине размытости образа «нового человека», и по причине преобладания внешнего педагогического воздействия (формирование = формование, формовка) над внутренним самодвижением воспитанника.

²⁵ Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Май. Ч. CLXXII. С. 168.

²⁶ Ильенков Э. В. Школа должна учить мыслить. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: ОДЭК, 2002. С. 75.

²⁷ Евсевий (Орлинский), архиеп. О воспитании детей в духе христианского благочестия. 4-е изд. С. 79.

«Отменив» конкретный евангельский Образ Совершенного Богочеловека Христа как антропологический идеал, советская педагогика вынуждена была предложить свой абстрактный и размытый советский идеал человека, к которому необходимо было устремить массы. В качестве такого идеала был выдвинут образ «нового человека» (а «нового человека надо делать по-новому»²⁸) как всесторонне и гармонично развитой личности. На вопрос «Сколько должно быть сторон у всесторонне развитой личности?» не мог ответить ни советский учитель обществоведения, ни вузовский преподаватель научного коммунизма. Идеал этот был собирательным и формировался из разных образцов трудолюбия, героизма, милосердия, заботы и т. д.

Несмотря на неконкретность антропологического идеала, советская тактика и стратегия формирования всесторонне развитой личности позволили вполне корректно сформулировать *цель советской педагогики*: «Формирование людей, гармонически сочетающих высокую идейность, трудолюбие, организованность, духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»²⁹.

Советская педагогика, «отменив» первую заповедь, сохранила через литературу, театр, кинематограф воспитательную установку, согласно которой «человек не может жить хорошо, если кому-то рядом плохо». «В СССР, несмотря на декларативный атеизм советского государства, без формальной связи с Евангелием, но тем не менее реально, во многом доминировали христианские ценности и традиционная этика, сформированная в христианском обществе. Эта ситуация очень ясно представлена в нашем советском кинематографе и нашей советской литературе»³⁰. Однако мы должны признать, что восхождение к советскому «новому человеку» есть смутное подобие (суррогат) подлинного восхождения ко Христу (вочеловечивания).

3. Православный педагогический уклад, образ учителя в православной педагогике

3.1. Что есть норма человеческих отношений?

Этот вопрос можно сформулировать иначе: каким должен быть православный педагогический уклад как устоявшийся тип отношений между людьми? Уклад — это стилистика совместной жизни и деятельности взрослых и детей в границах педагогического пространства. Типы педа-

²⁸ Макаренко А. С. Педагогическая поэма / сост., прим. С. Невская. М.: ИТРК, 2003. С. 14

²⁹ Научный коммунизм: учебник для вузов / под ред. П. Н. Федосеева. 5-е изд. М.: Политиздат, 1982. С. 396.

³⁰ Кирилл, патриарх Московский и всея Руси. Диалог с историей / послесл. А. В. Щипкова. М.: Изд-во Московской патриархии, 2020. С. 80.

гогических укладов бывают разными³¹, но признаками органичности (а не механического агрегата) обладает лишь православный соборный уклад.

С. Л. Франк в книге «Духовные основы общества» точно описал *признаки соборного уклада*. Вспомним их и переложим на педагогическую реальность.

Соборность есть, как указано, органически неразрывное единство «я» и «ты», вырастающее из первичного единства «мы». При этом не только отдельные члены соборного единства («я» и «ты» или «вы») неотделимы друг от друга, но в такой же неотделимой связи и внутренней взаимопронизанности находятся между собой само единство «мы» и расчлененная множественность входящих в него индивидов. <...> Целое не только неразрывно объединяет части, но налично в каждой из своих частей³².

Опыт лучших православных школ и вузов, имеющих *лицо* и *имя*, показывает, что каждый член этого образовательного сообщества — носитель лица, каждый человек — ответственный носитель духовного капитала школы.

Соборное единство образует жизненное содержание самой личности. Оно не есть для нее внешняя среда, предметно-воспринимаемая и стоящая в отношении внешнего взаимодействия с личностью. Оно не есть объект отвлеченно-предметного познания и утилитарно-практического отношения, а как бы духовное питание, которым внутренне живет личность, ее богатство, ее достояние³³.

Педагогический уклад можно считать соборным, если ученики идут в школу не на учебу и учителя — не на работу, а те и другие — на *Встречу в совместной жизни и деятельности*.

Соборное целое, частью которого чувствует себя личность и которое вместе с тем образует содержание последней, должно быть столь же конкретно-индивидуальным, как сама личность. <...> Истинное «мы» столь же индивидуально, как «я» и «ты»³⁴.

Только образовательная общность, имеющая собственное индивидуальное лицо, способна возвращать воспитанников, обладающих неповторимостью, уникальностью и колоритом. Безликие ученики — продукт безликой педагогики.

Быть может, самое существенное отличие соборности как внутреннего существа от внешнеэмпирического слоя общественности заключается в ее сверхвременном единстве, в котором мы находим новый, не учтенный нами доселе момент подлинно реального первичного единства общества³⁵.

³¹ См. подробнее: *Остапенко А. А.* Неявная педагогическая реальность: в 2 ч. Ч. 2: Типы школьных укладов. М.: Научно-исследовательский институт школьных технологий, 2020.

³² *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 60–61.

³³ Там же. С. 61.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 62.

Соборный педагогический уклад — это не только те люди, которые в настоящее время составляют единство школы, но и ушедшие из нее (выпустившиеся, уехавшие или даже умершие), а также будущие воспитанники. Память и предвидение составляют живую сущность соборной педагогической реальности, ее традицию и культуру как связь поколений.

Соборный педагогический уклад представляет собой живое полноценное внутреннее органическое единство воспитателей и воспитуемых.

3.2. Чему учить и что воспитывать?

Архимандрит Платон (Игумнов) утверждает, что человек — носитель «трех начал — естественного, разумного и Божественного. <...> Его жизнь протекает одновременно в трех сферах бытия — природной, социально-культурной и религиозной... личность ориентирована на свое собственное бытие, на этическое отношение к миру и на религиозное отношение к Богу»³⁶.

В. И. Слободчиков, опираясь на антропологические идеи С. Л. Рубинштейна, утверждает, что деятельность, сознание и общность — это «всеобщие способы бытия человека, основания его жизни, задающие весь универсум собственно человеческих характеристик этого бытия»³⁷. Мы считаем, что эта цитата касается не всего универсума, а социально-культурной сферы человека. Тогда можно утверждать, что основанием природной сферы человека выступает его *естество*. Структура социокультурной сферы основывается на *сознании, деятельности, общности*. Основанием религиозной сферы служит *духовность*.

Советская безрелигиозная педагогика игнорировала религиозную сферу и всячески искажала понятие духовного, понимая под ним все, что нематериально, безотносительно к вопросам добра и зла. Содержание советского образования сводилось в *сфере естества* к воспитанию в человеке жизнеспособности, жизнестойкости и жизнелюбия («Я люблю тебя, жизнь!»). В *сфере сознания* человек должен был усвоить некие представления, знания и воспитать в себе любознательность. В *сфере деятельности* человеку надо было освоить навыки, умения и воспитать в себе трудолюбие. Человеческая общность позволяет постичь и принять ее нормы, обрести убеждения и воспитать в себе человеколюбие.

Ничего из перечисленного православная педагогика не отрицает и не отсекает. Она лишь вслед за свт. Феофаном Затворником предполагает *одоухотворение* всего перечисленного через постепенное возвращение в человеке устремленности (жажды) к Богу, страха Божия (богобоязни),

³⁶ Платон (Игумнов), архим. Нравственное богословие. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. С. 22.

³⁷ Слободчиков В. И. Очерки психологии образования. Биробиджан: Биробиджанский государственный педагогический институт, 2005. С. 25.

любви к Богу (боголюбия) и чистой и чуткой совести как голоса Божия в человеке³⁸.

Таким образом, содержание православного образования не только объемлет все то лучшее, чему учит светская педагогика, но и одухотворяет его и стремится наполнить божественной благодатью. В. В. Зеньковский писал, что «воспитание должно готовить не только к жизни во времени, но и к жизни в вечности — к жизни земной и к жизни вечной»³⁹. А значит, содержание образования в православной педагогике значительно шире. Основное внимание должно быть уделено не только физическому здоровью, культуре ума и чувств, здоровым социальным навыкам, но и приобретению к вечности, а точнее к «добру как вечному началу»⁴⁰.

Не приспособление ребенка к жизни, а развитие в нем сил добра, обеспечение связи добра и свободы должно составлять цель воспитания: приспособление (функциональное, социальное и т. д.) к жизни имеет ведь чисто инструментальный характер⁴¹.

Если выразиться еще более кратко, то содержание образования должно быть направлено на ведение совершенства, любви к совершенству и воли к совершенству, которое и есть бытие с Богом и бытие в Боге⁴². Светская педагогика ограничивается усвоением знаний и освоением социальных навыков. Православная же педагогика, не отрицая этих знаний и навыков, простирает свое внимание на общение с совершенством, пробуждая в подрастающем человеке желание ведать совершенство, чувствовать его и стремиться к нему.

3.3. Кто будет воспитывать?

Для осуществления педагогической задачи освоения содержания образования светская педагогика выделяет следующие профессионально-педагогические позиции: в *сфере естества* — родитель-пестователь; в *сфере сознания* — учитель-знаток; в *сфере деятельности* — мастер-умелец; в *сфере общности* — мудрец-наставник⁴³.

Православная педагогика эти педагогические позиции-роли дополняет главной: в *сфере духовности* — пастырь-духовник. Задача пастыря — преумножать и сохранять все стадо, а духовника — вести каждого ко спасению.

³⁸ Феофан Затворник, свт. Толкования Посланий апостола Павла к солунянам, к Филимону, к евреям. М.: Правило веры, 2005. С. 296.

³⁹ Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Ч. 1: Общие принципы. Paris: YMCA-Press, 1934. С. 53.

⁴⁰ Там же. С. 51.

⁴¹ Там же. С. 50.

⁴² Зелинский К., прот. Жизневолящий человек как антропологический идеал образования, или «Что человечит человека?» // Духовно-нравственное воспитание. 2021. № 5. С. 27.

⁴³ Цукерман Г. А., Слободчиков В. И. Мы, взрослые и остальные люди // Семья и школа. 1989. № 12. С. 20.

Таблица 2. Сравнительный анализ методологических оснований православной и советской педагогики

№	Методологические основания	Ключевой вопрос	Советская педагогика	Православная педагогика		
1	Антропологическая данность	Какова изначальная природа человека?	Чистый лист, <i>tabula rasa</i>	Искаженная человеческая природа		
2	Педагогическая тактика	Как воспитывать человека?	Формирование через воздействие	Укрепление в вере во Христа через покаяние		
3	Образ будущего Отечества	В каком будущем мы хотим жить?	Коммунистическая сверхдержава	здесьшний		
				Симфония Православной церкви и государства Царство Небесное		
4	Антропологический идеал	Кого мы должны воспитать?	«Новый человек», всесторонне и гармонично развитая личность	достижимый недостижимый		
5	Тип общественного уклада	Что есть норма человеческих отношений?	Коллективистский, товарищеский (уважение, дружба)	Соборный, братский (любовь, забота, доверие)		
6	Содержание	Чему учить что воспитывать?	<i>Природная сфера</i>			
			естество	сознание	<i>Социокультурная сфера</i>	
			жизнеспособность, жизнестойкость, жизнелюбие	представления, знания, любознательность	деятельность общность	духовность жизнь
7	Профессионально-антропологический идеал	Кто будет воспитывать	родитель-пестователь учитель-знарок мастер-умелец	пастырь-духовник мудрец-наставник		

Заключение

Таким образом, православная педагогика имеет не только более глубокое и емкое содержание образования, но и более широкий спектр педагогических позиций-ролей. Ответив на все семь вопросов, сведем все сказанное в таблицу (табл. 2).

Сравнительный анализ двух методологий наглядно показывает все утраты, которые понесла педагогика при переходе в XX в. от православной методологии к методологии советской.

Православная педагогика, не отвергая того, что было создано и гуманистической, и советской педагогиками, не впадая в крайности, собирает все лучшее, гармонично, антиномично, неслиянно и нераздельно создает полноту педагогических целей, содержания, средств, позиций. Она не противопоставляет себя иным мировоззренческим направлениям педагогики. Мы хорошо помним, как в 1990-е годы гуманистическая педагогика с ее многоликим *само-* (самореализация, самоактуализация, самоутверждение и т.д.) наступала на советское *взаимо-* (взаимопомощь, взаимовыручка, коллективизм и т.д.) и вытесняла его. Православная педагогика способна не только привести в разумный баланс эти крайности, но и одухотворить их, наполнив подлинными смыслами.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2022 г.;
рекомендована к печати 31 августа 2022 г.

Контактная информация:

Остапенко Андрей Александрович — д-р пед. наук, проф.; ost101@mail.ru
Зелинский Константин Владленович — протоиерей, канд. пед. наук; zmvk@yandex.ru

Methodological foundations of orthodox pedagogy

A. A. Ostapenko^{1, 2, 3}, archpriest Konstantin Zelinsky⁴

¹ Kuban State University,

149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, 350040, Russian Federation

² Ekaterinodar Theological Seminary,

67, ul. Frunze, Krasnodar, 350000, Russian Federation

³ Moscow Theological Academy,

Trinity Lavra of St Sergius, Sergiev Posad, 141300, Russian Federation

⁴ Volgograd State Socio-Pedagogical University,

27, pr. imeni V. I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation

For citation: Ostapenko A. A., Zelinsky K. V. Methodological foundations of orthodox pedagogy. *Issues of Theology*, 2022, vol. 4, no. 4, pp. 673–692.

<https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.408> (In Russian)

In the article, on the basis of general methodological foundations characteristic of pedagogical science as a whole, the methodological structure of Orthodox pedagogy is built and its uniqueness is shown. The analysis is based on the author's seven-component model of the system of methodological foundations of pedagogical science. The proposed model makes it possible to identify the main methodological

principles of pedagogy based on one or another worldview foundation. Thus, in the work, on the basis of the Orthodox worldview, the pedagogical strategy and pedagogical tactics of Orthodox education are formulated and its main content and leading means are determined. The advantage of the article lies in the fact that, from the point of view of the Orthodox dogma, it gives clear definitions of the concepts of training, upbringing and education, and also defines the type of pedagogical structure, the professional and anthropological ideal of a teacher for Orthodox pedagogy. The peculiarity of the article is that the main methodological foundations of Orthodox pedagogy as a science are given in comparison with the methodological foundations of Soviet materialistic and atheistic pedagogy. The main ideas of the article are illustrated in detail with quotations and references to the works of the Holy Fathers and the work of both pre-revolutionary and post-Soviet teachers who worked in the field of Orthodox pedagogy. The article is addressed to scientists, teachers of pedagogical disciplines of theological schools, undergraduate and graduate students, conducting research at the intersection of theology and pedagogy.

Keywords: Orthodox pedagogy, Christian anthropology, anthropological reality, anthropological ideal, pedagogical strategy, pedagogical tactics, repentance, image of the desired future, content of Orthodox education.

References

- Afanasii Velikii, archbishop (1902) *Creations*. Part 1. 2nd ed. Sviato-Troitskaia Sergieva lavra, Sobstvennaia tipografia Publ. (In Russian)
- Amfilokhii (Radovich), metropolitan (2005) *Man is the bearer of eternal life*. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja Publ. (In Russian)
- Dal' V.I. (1905). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. In 4 vols, vol. 2, 3rd ed., ed. by I. A. Boduen-de-Kurtene. St Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Vol'f Publ. (In Russian)
- Evsevii (Orlinskii), archbishop (1844) *About raising children in the spirit of Christian piety*. Moscow, Tipografia Avgusta Semena pri Imperatorskoi mediko-khirurgicheskoi akademii Publ. (In Russian)
- Evsevii (Orlinskii), archbishop (1877) *About raising children in the spirit of Christian piety*. 4th ed. St Petersburg, Tipografia Departamenta udelov Publ. (In Russian)
- Fedoseev P.N., ed. (1982) *Scientific Communism: Textbook for universities*. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian)
- Feofan Zatvornik, St (2005). *Interpretations of the Epistles of the Apostle Paul to the Thessalonians, to Philemon, to the Hebrews*. Moscow, Pravilo very Publ. (In Russian)
- Frank S. L. (1992) *Spiritual foundations of society*. Moscow, Respublika Publ. (In Russian)
- Grigorii Bogoslov, archbishop (1844) *Creations*. Part 3. Moscow, Tipografia Avgusta Semena Publ. (In Russian)
- Grigorii Nisskii, St (1861) *Creations*. Part 2. St Petersburg, Tipografia V. Got'e Publ. (In Russian)
- Ignatii (Brjanchaninov), St (2011) *A word about death. A word about a person*. Moscow, Blagovest Publ. (In Russian)
- Ilenkov E. V. (2002) *School should teach thinking*. Moscow, Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi instiut Publ., Voronezh, MODEK Publ. (In Russian)
- Ioann Zlatoust, St (1895) *Creations*. Vol. 1, book. 2. St Petersburg, Sankt-Peterburgskaia dukhovnaia akademiia Publ. (In Russian)
- Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia (2020) *Dialogue with history*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi patriarkhii Publ. (In Russian)
- Larshe Zh.-K. (2018) *Healing of spiritual diseases. Introduction to the Ascetic Tradition of the Orthodox Church*. Sergiev Posad, Moskovskaia dukhovnaia akademiia Publ. (In Russian)

- Larshe Zh.-K. (2021) *The spiritual unconscious. The Orthodox concept of the unconscious and its application in the treatment of mental and spiritual ailments*. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja Publ. (In Russian)
- Makarenko A. S. (2003) *Pedagogical poem*. Ed. by S. Nevskaja. Moscow, ITRK Publ. (In Russian)
- Niemeyer A. G. (1802) *Leitfaden der Pädagogik und Didaktik. Zum Gebrauch akademischer Vorlesungen für künftige Hauslehrer und Schulmänner*. Galle, Verlag der Waisenhaus-Buchhaltung.
- Obodovskii A. G. (1833) *A guide to pedagogy or the science of education, compiled by Niemeyer*. St Petersburg, Tipografia Vingebera Publ. (In Russian)
- Ostapenko A. A. (2018) "Why are pedagogics different", in *Pedagogicheskie tekhnologii*, no. 2, pp. 38–57. (In Russian)
- Ostapenko A. A. (2020) *Implicit pedagogical reality*. In 2 parts, part 2: *Types of school ways*. Moscow, Nauchno-issledovatel'skii institut shkol'nykh tekhnologii Publ. (In Russian)
- Platon (Igunnov), archimandrite (2008) *Moral theology*. St Petersburg, Obshchestvo pamiati igumenii Taisii Publ. (In Russian)
- Shestun Evgenii, priest (1995) "Introduction to Orthodox Pedagogy", in *Duhovnyi sobesednik. Zhurnal Samarskoi eparkhii*, vol. 2, pp. 48–53. (In Russian).
- Slobodchikov V. I. (2005) *Essays on the psychology of education*. Birobidzhan, Birobidzhanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ. (In Russian)
- Slobodchikov V. I., Ostapenko A. A. (2020) "Global practices of human education: Ideological format, methodological foundations, types of social structures", in *Narodnoe obrazovanie*, no. 6, pp. 53–68. (In Russian)
- Solov'ev V. S. (1915) *Poems*. 6th ed. Moscow, Izdanie Sergeia Solov'eva Publ. (In Russian)
- Tolstoi A. N. (1961) *Collected works*. In 10 vols, vol. 10. Moscow, Goslitizdat Publ. (In Russian)
- Tsukerman G. A., Slobodchikov V. I. (1989) "We, adults and other people", in *Sem'ia i shkola*, no. 12, pp. 19–21. (In Russian)
- Veisman A. D. (1899) *Greek-Russian dictionary*. 5th ed. St Petersburg, Izdanie avtora Publ. (In Russian)
- Zelinskii Konstantin, archpriest (2021) "A life-loving person as an anthropological ideal of education, or 'What makes a person human?'", in *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie*, no. 5, pp. 22–30. (In Russian)
- Zen'kovskii V. V. (1934) *Problems of education in the light of Christian anthropology*. Part 1: General principles. Paris, YMCA-Press Publ. (In Russian)

Received: March 5, 2022

Accepted: August 31, 2022

Authors' information:

Andrey A. Ostapenko — Dr. Sci. in Pedagogical Sciences, Professor; ost101@mail.ru

Konstantin V. Zelinsky — Archpriest, PhD in Pedagogical Sciences; zmvk@yandex.ru